

В конце октября так легко...

Что именно так легко в конце октября, Владимир Угрюмов расскажет в подборке стихов. Поэтому есть резон поговорить о том, чего в них нет.

Нет упоминания о том, что 25 лет назад, аккурат в октябре, он стал писать стихи. Октябрь к этому располагает. С тех пор Владимир Угрюмов закончил Литературный институт имени Горького, стал членом Союза писателей и, озадачившись, точнее, удивившись, очаровавшись “особым мировидением” Сергея Тимофеевича Аксакова, написал кандидатскую диссертацию, где необыкновенно тонко и вкусно проследил “движение художественных ассоциаций” в его недооцененных книгах “Семейная хроника”, “Детские годы Багрова-внука”, “Воспоминание” и других произведениях.

“Семейную хронику” Михаил Пришвин назвал “богоданной книгой”. А литературовед Вадим Кожин - “своего рода сердцевинным явлением отечественной литературы”, в котором “содержатся семена, или, точнее, завязи всей будущей русской прозы”. Однако Угрюмов сделал то, что до него не делал никто: он проник в живую ткань произведений Сергея Аксакова и, кажется, сумел приоткрыть тайну его писательского волшебства.

Недавно в Уфе заявили, что хотели бы издать диссертацию отдельной книгой.

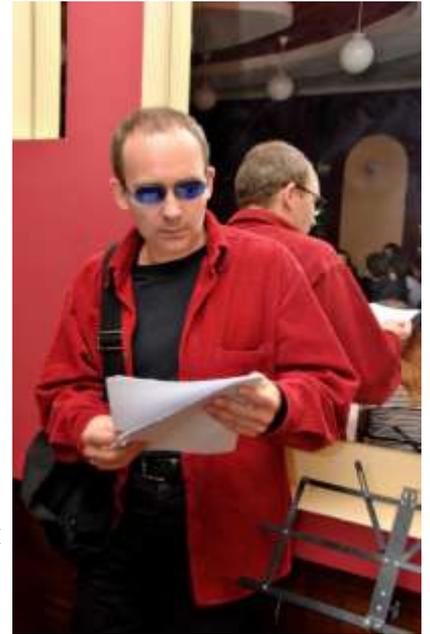
И еще он хотел бы постичь художественный мир паузы. Это куда более глубокое замечание, чем могут представить те, кто ни разу ни о чем подобном не задумывался.

Может, поэтому Владимир Угрюмов преподает философию в Сибирском индустриальном университете. Все закономерно. Сошлюсь на Гёте: “И родится поэт? Разве только поэт - философ не менее”.

Пусть будет это нашим ключом к нему.

Упомяну и книгу - замечательную, на мой взгляд, - воспоминаний о Юрии Грдине, тщательно собранную и отредактированную им.

Но давайте перейдем к стихам поэта Владимира Угрюмова - “философа не менее”.

Валерий Немиров

Владимир Угрюмов

*И в конце октября так легко повторять: “Не убий”,
отрекаясь беспечно от самых любимых обид.*

Не найдя в них ни зла, ни добра, ни другого вреда.

И собаки бредут по хрустящей листве в никуда.

И вороны с деревьев срываются и шелестят.

И подумаю я: это черный ночной листопад.

И подумаю: так вот, дрожа от внезапной тоски,

Возвращаются в землю несбывшиеся черновики.

***

А если смотреть, то увидишь немало,

Но я не об этом. Я так: ни о чём:

По улице шёл дурачок Чопопало,

Смиренный, простой, городской дурачок.

*Ни сытый любовник, ни пьяный похабник,
Ни скептик, ни циник, ни в церковь подлец,
Ни, убранный пышно, директор, и как бы -
Ни - в лес по грибы - многодетный отец.*

*Ни - вот же ещё - депутат-недоτροга,
Ни вор по кривой, ни профессор на грех,
Ни правозащитник, ни голос народа.
Он сам по себе, сумасшедший за всех.*

***

*“Каково поживаешь?” - спрошу не шутя.
И услышу ответ: “Таково поживаю”.
Дождь пошёл, перестал и вернулся опять.
“Привыкаешь к дождю?” - повторю.
“Привыкаю”.
К переменному свету, к обещанной тьме,
к ныне здравствующим и ныне усопшим.
“Я его не застал”, - это так обо мне
и, пожалуй, достаточно сказано, в общем.*

***

*Прежде - жить, остальное пребудет.
Удивительно точен расчёт.
На земле, как на праздничном блюде,
пьяный спит, истекая мочой.*

*Скромно предано тело покою,
а душа разыгралась - и в пляс.
Что за радость случилась с душою, -
и звезда на востоке зажглась.*

*Вечерело. Никто не заметил
ни души, ни звезды, ни другой.
И пронёсся безжизненный ветер,
сильный ветер, и всё - ничего.*

***

*Утро настанет, и вечер настанет.
Много событий хороших со мной
и происходит, и нет. Я усталый
после событий ныряю домой.*

*Дом глубоко. Из окна видно звёзды.
Видно, как ближние люди, забыв
ближних и дальних, и ранних, и поздних,
шепчут беззвучно губами: “Кабы”.*

*И засыпают Иваны и Анны,
Свет покидая, возносятся в тьму
к дальним и ближним, до поздних и ранних,*

звёздам, забыв про суму и тюрьму.

***

*Голоса повторялись и смолкли.
Жизнь входила в права и прошла.
Сладкозвучия и кривотолки
Одолели меня без числа.*

*Я подумаю, думать несложно:
О несметном копясь в душе,
О возвышенном пустопорожнем.
Невозможном возможно уже.*

*Нестерпимом, родном, вековечном:
Думать буду о птицах и псах,
Обо всём, что припомню за вечер
И сожгу, словно сор, в небесах.*

***

*Прищурю глаза на пространство,
чтоб твердь из-под ног не летела.
Как ветрено жизни убранство.
Как душеспасительно тело.*

*И чувствую - нехорошо мне.
И чувствую - радостно видеть
Всех страждущих и приглашённых
Пожить всякий день без обиды.*

*Пожить, потолкаться у цели,
У самого синего моря,
Вставать с неподъёмной постели,
Ложиться, зверяя от хвори.*

*И пусто в пространстве и тесно.
Уныло, не жарко, прохладно.
И ветер прямой и отвесный.
И вглядываюсь... И надо б...*

*Одним дуновением лёгким
Развеять и тело, и душу.
Вот ангел в линялой ветровке: -
Входи, говори, буду слушать.*